

Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее определение человека.

Ф.М. Достоевский

В самолёте во время полёта пассажиры либо дремлют, либо коротают время в беседе друг с другом. Перелёты располагают к искренности и откровенности, даже если потом люди больше не встретятся.

Полёт из Душанбе в казахстанский город Алма-Ату занимает около двух часов. Можно поспать, но потом неважно себя чувствуешь, голова тяжёлая и всё тело ломит, как после утомительной работы. Значит, остаётся разговор по душам, тем более что мой сосед, сидящий у иллюминатора, то и дело испытующе взглядывал на меня. По виду русский, возраст лет за тридцать, внешность самая обычная, вот только лицо смуглое от загара.

В свою очередь я пристально посмотрел на него. Он улыбнулся и спросил:

– Я вижу, вы не узнали меня?

– Вроде кажешься знакомым, но где мы виделись, не припомню.

– Давайте перенесёмся лет на пятнадцать назад. Вы тогда в своём гараже занимались ремонтом машины, а я то и дело прибегал к вам. То гаечные ключи просил, то насос, то дистиллированной воды для аккумулятора. У отца был старенький «Москвич», и мы его больше чинили, чем ездили на нём.

Я припомнил.

– Было такое. Но ты сейчас мало похож на того мальчишку. Повзрослел, возмужал. Чем сейчас занимаешься?

Мой собеседник помедлил. Он словно прикидывал: стоит ли ему откровенничать со мной или отделиваться ничего не значащими фразами? И в то же время чувствовалось, что ему хочется выговориться. Так бывает, когда накапливается много впечатлений, но не с кем облегчить душу. А тут появилась такая возможность.

Самолёт был заполнен пассажирами наполовину. Сиденья впереди были свободными, сзади тоже, и можно было не опасаться любопытных ушей.

– Ну, поскольку мы старые знакомые, да и соседи бывшие, вам скажу. Был в Сирии.

– Вот как, – удивился я. – И что ты там делал?

Он пожал плечами.

– Что там делают? Воевал.

– И на чьей стороне?

Он опять помедлил.

– На стороне игиловцев¹, конечно.

Я оторопел от услышанного. Знал, что в рядах этих бандформирований есть выходцы из Средней Азии, Кавказа, российские мусульмане, но чтобы русский парень...

– И как ты туда попал?

Мой сосед вздохнул.

– История долгая. Но у нас два часа, попробую рассказать.

Мне было семнадцать лет, когда умер отец. Старшая сестра с мужем уехали в Якутию, и мы с матерью остались вдвоём. Мать работала учительницей в начальных классах, заработок невеликий, но концы с концами сводили. Она хотела, чтобы я получил высшее образование, хотя я намеревался пойти на курсы шоферов, а потом начать трудиться. Но мать упростила меня, и я поступил в Таджикский политехнический институт, на энергофак. Окончил учёбу, получил диплом, а вот с работой оказалась проблема. Таджикистан стал суверенным государством, пережил гражданскую войну. Предприятия бездействовали, повальная безработица, и я со своим инженерным образованием оказался за бортом жизни. И добро бы только это. У матери от переживаний случился инсульт, её частично парализовало. Передвигалась она по квартире с трудом, что-то делала по хозяйству, но о полноценной жизни говорить не приходилось. Забота о семье легла на мои плечи. Я зарабатывал, где только мог. Рядом базар, там строились магазины, открывались лавчонки. Я прокладывал проводку, подключал свет, холодильники. Платили деньгами, продуктами. Когда не было такой работы, помогал соседу, уже старику. У него была тележка, на которой он привозил на базар для торговцев фрукты и овощи, другие какие грузы. Если заболел, я катал эту тележку. Не по себе было, здоровый парень, с высшим образованием, а занимаюсь такой вот работой. И уехать никуда не мог, матери становилось всё хуже.

Время шло. Предприятия стали оживать, но чем-то стоящим я заняться не мог. Был принят закон о государственном языке, знание таджикского языка было обязательным, я же объяснялся на нём на бытовом уровне. В приёме на работу отказывали или предлагали занятия вроде грузчика или чернорабочего. Горько было от сознания своей ненужности. Русские покидали Таджикистан, а оставшиеся скатились до уровня людей второго сорта.

Не знаю, что бы дальше было, но мать умерла. Похоронил её с помощью соседей. Теперь у меня руки были развязаны, можно было уехать в Россию, но у меня не было российского гражданства, а без него и там бы предстояли мятарства. Решил пробиться в российское посольство, может, присоветуют что-то дельное. Всё-таки я русский, не чужой им.

---

¹ ИГИЛ – запрещённая в России организация.

В российский посольство действительно нужно было пробиваться. Сотни людей осаждали его, как неприступную крепость. Только через неделю я получил возможность поговорить с одним из его сотрудников, полным, лысоватым, с брезгливо поджатыми губами. Иллюзии мои быстро рассеялись. Встречен я был без особой теплоты, более того, говорил со мной чиновник неприязненно и грубо. Мне сразу было сказано, что российское гражданство мне не светит, поскольку я родился в Таджикистане и, следовательно, являюсь гражданином этой страны.

– Но я русский, – попытался возразить я.

– Это не имеет значения. У нас не русское, а российское посольство. Привилегии русским законодательством не предусмотрены.

– Но ведь таджики имеют двойное гражданство, своё и российское?

– Об этом было подписано между Россией и Таджикистаном особое соглашение. К русским оно не относится.

– Странно, в газете было написано, что узбекам и казахам будет предоставляться облегчённый порядок предоставления российского гражданства. Почему же...

– Ты не узбек и не казах, – последовал ответ.

– Что же мне делать?

– Что хочешь, мы не собес.

С горьким чувством вышел я из российского посольства. И такая была в душе обида на Россию. Почему же мы, русские, оказавшиеся в республиках теперь уже Ближнего зарубежья, не нужны своей этнической родине, оказались в положении изгоев? Президент Таджикистана Эмомали Рахмон заявил в одном из своих выступлений, что где бы таджики ни находились, в какой точке земного шара, они всегда могут вернуться в свой исконный дом и будут встречены тепло и с заботой. Почему же никто из российских лидеров не сказал ничего подобного?

Я размышлял о вопиющей несправедливости по отношению к русским. Есть Российская Федерация, но нет русского государства, есть Москва – столица опять-таки Российской Федерации, а где столица русских? Почему мы, русские, оказались в положении курдов, у которых также нет своей земли и своего главного города? Может, в чём-то я был неправ, но тогда мне было не до государственных тонкостей. Я готов был на что угодно, только бы вырваться из замкнутого круга безнадёжности.

– Что парень, облом? – услышал я чей-то голос.

Рядом со мной стоял мужчина постарше меня. Ростом чуть выше, тёмные волосы. В голосе слышались участие, но и ирония. Небрит, но одет неплохо и держался с чувством собственного достоинства.

– Облом, – согласился я.

– Пошёл за гражданством, а получил от ворот поворот? – продолжал незнакомец.

Я пожал плечами, откровенничать не хотелось, да и что толку в пустом разговоре. Незнакомец словно прочитал мои мысли.

– Вот тут ты неправ, – не согласился он со мной. Отвернул рукав пиджака, посмотрел на часы.

– Самое время обедать. Поехали, перекусим и поговорим по душам. Гарантирую, я смогу тебе помочь. И хотя я мало верил в это, но согласился. Расположились мы за столиком в углу ресторана «Таджикистан».

– Меня зовут Джохар, – представился незнакомец...

Пошли, Джохар закурал, молча рассматривал меня.

– Ты можешь не рассказывать свою историю, она такая же, как у тысяч других русских, оказавшихся за пределами России. Специальность есть?

– Инженер-энергетик.

– О-о, это то, что нам нужно.

– Кому это, нам?

– Сейчас узнаешь. Я предлагаю тебе поехать в Сирию. Поедешь не один, я уже подобрал с десяток таких же парней. Предлагаю хорошую работу, хорошую оплату. Через три-четыре года с солидными деньгами можешь поехать в любую страну, а не в нищую Россию, которой вы, русские, и на дух не нужны.

– Но там же война? – удивился я.

– Война – занятие для настоящих парней. Но кроме боевиков, нужны и инженеры, и врачи, и производственники, да мало ли кто ещё.

– К игиловцам вербуешь? – спросил я напрямую.

– Вижу, ты начитался всякой лжи в газетах, – укоризненно проговорил Джохар. – На самом деле всё не так. «Исламское государство» – крепкая организация, с огромными возможностями и таким же будущим. Там ценят смелых мужчин и высоко оплачивают их труд. Как ты думаешь, почему так быстро множатся ряды этой организации? Что, все дураки? Нет, брат. Там можно найти всё то, чего не получишь в России. Организация игиловцев – это боевое братство, это подлинный интернационал, где никто не чувствует себя отщепенцем и никто не предоставлен сам себе. Мы боремся за создание громадного государства, в котором будут все равны и которое по мощи сравняется с бывшим Советским Союзом.

– Но я не мусульманин, – привёл я решающий довод.

Джохар усмехнулся.

– Стань мусульманином для вида, а в душе оставайся кем хочешь: христианином, иудеем, буддистом. Главное, будь крепкой и стойкой личностью.

Джохар говорил спокойно, попыхивал сигаретой, и в голосе его звучала такая убеждённость, что я невольно поддался ей. В другое время я, может, и усомнился бы в его словах, но тогда чувство обиды, возникшее от посещения Российского посольства, преобладало в моей душе. «А почему бы и нет? – подумал я. – Пусть игиловцы, лишь бы какой-то просвет в этой неопределённости».

– Ну, так как? – поинтересовался Джохар.

– Согласен, – твёрдо ответил я.

– Молодец! – похвалил меня вербовщик. – Я подобрал ещё десяток таких смелых и решительных парней. Отсюда полетим в Алма-Ату, оттуда в Турцию, а из неё переберёмся в Сирию. Сделаем тебе другой паспорт, изменим имя и фамилию. Станешь таджиком по отцу, русских и в Сирии не очень любят.

– Да, но у меня тут квартира, – напомнил я. – Нужно что-то делать с ней. Быстро не продашь, а бросать не хочется.

Джохар взглянул на меня и усмехнулся. Такая у него была привычка.

– Сколько стоит сейчас твоя квартира?

– Тысяч пять долларов, – ответил я. – Немного, но я совсем без денег.

Джохар достал из внутреннего кармана пиджака солидную пачку долларов, отсчитал нужную сумму и протянул мне.

– Вот тебе пять тысяч долларов. Считай, что я купил твои апартаменты. Вот ещё две тысячи как моральная компенсация. Квартиру отдай

соседям, попроси, чтобы присматривали за ней. Скажи, что через год вернётся.

– А если не вернусь?

– Тогда пусть пользуются и дальше. Это им будет подарок от тебя.

Так я и сделал.

Действительно, с нами в Алма-Ату летели ещё десять человек. Среди них было два таджика, один туркмен, три украинца, остальные узбеки.

Я удивлялся тому, с какой лёгкостью Джохар решал все наши проблемы. Верно говорят, деньги – великая сила. Поселил он нас в загородном пансионате.

– Отдыхайте, но отсюда, ни шагу, незачем привлекать к себе внимание. Через неделю у нас были новые загранпаспорта, другие имена и фамилии. Я стал Джабраилом Мухаммадиевым...

Самолёт мерно гудел, как бы вторя неторопливому рассказу моего соседа. Я украдкой посмотрел на часы, прошло тридцать минут, как мы вылетели из Душанбе. Время ещё было, но мне не терпелось услышать рассказ о пребывании Джабраила в Сирии.

– А как прежде тебя звали? – поинтересовался я.

Парень отрицательно покачал головой.

– Всё в прошлом. Теперь я Джабраил.

Я понял, что его откровенность тоже имеет пределы, и не стал настаивать. Джабраил, так Джабраил.

– И что потом?

Джабраил помедлил, собираясь с мыслями.

– Потом мы перелетели в Турцию. В Анкаре нас встретили, разместили в каком-то доме, больше похожем на общежитие. Поскольку мы все были разных национальностей, то разговор шёл по-русски.

– А когда окажемся в рядах игиловцев, на каком языке будем говорить? – спросил я Джохара.

Он засмеялся.

– Пусть тебя это не беспокоит. Там свой язык, за неделю освоишь.

Ночью мы разместились в кузове крытого грузовика и поехали. Ехали до рассвета. В пути несколько раз нас останавливали, светили фонарями, слышались голоса, потом катили дальше. Высадились в Алеппо. Увиденное потрясло меня. Сирия, по учебнику «История Древнего мира», представлялась музеем под открытым небом, сокровищницей мировой культуры. Ничего этого не было. Голые обгоревшие остовы многоэтажных зданий, руины, полное запустение.

– Вот это да! – вырвалось у меня.

– Война, – лаконично откликнулся Джохар.

Игиловцев было много. Все одинаково одеты, в длинных чёрных рубахах ниже колен, таких же штанах, на головах или афганские войлочные шапки «нуристанки», или чалмы, а то просто обвязаны платками. Вид у них был устрашающий, заросшие волосами, неухоженные, они производили впечатление дикарей. Впрочем, как я убедился потом, такими они и были, по сути. Все вооружены, как говорится, до зубов. Наши автоматы Калашникова, гранатомёты, ручные пулемёты, много иностранного оружия.

Нас распределили по отрядам. Я попал в отряд Юсуфа. Это был самаркандский узбек, лет сорока. Невысокий, полный, с узкими глазами, реденькая борода и усы. Хорошо говорил по-русски.

Джохар сказал, что ты окончил политехнический институт? – спросил меня Юсуф. Я утвердительно кивнул.

– Значит, изучал военное дело?

– Лейтенант запаса.

– Оружие знаешь?

– Только советское.

– Освоишь и иностранное, принцип один и тот же. Главное, тебе не нужно будет проходить подготовку. Сразу включишься в дело. Инженер-энергетик?

Я снова кивнул.

– Это хорошо, работы у тебя будет через край.

Юсуф ввёл меня в курс дела. В самом Алеппо и его окрестностях, как, впрочем, и в других городах, пленные и рабочие из местных жителей рыли тоннели, сооружали под землёй командные пункты, казармы, штабные помещения, склады для оружия и боеприпасов, продовольствия и воды.

Отряд Юсуфа, в котором было около ста человек, следил за ходом работ. Никто не должен трудиться в полсилы, тем более отдыхать, попытки убежать пресекались тут же короткой очередью из автомата. Работали сотни человек при факелах и коптилках. Подземелья напоминали картины Дантова ада. Умирала десятками от удушья и плохого питания. Их вытаскивали наружу, бросали в ров и заменяли другими.

– Зачем столько помещений под землёй? – спросил я Юсуфа.

– На случай бомбёжек, – пояснил тот, – ну, и если сирийская армия будет наступать, укроемся под землёй.

– Но все тут не поместятся?

– А всем и не надо. Командование, элитные части...

Под моим началом числилась группа в двадцать человек. Все бывшие рабочие предприятий. Подача тока и освещение производились малогабаритными дизельными электроустановками. Нужно было отлаживать их, устанавливать в определённом порядке, прокладывать кабели и электропроводку. Мы занимались этим с утра до вечера и, надо сказать, со своими обязанностями справлялись. Время от времени нас проверяли командиры игиловцев высокого ранга. Придирчиво осматривали сделанное, одобрительно кивали и, бросив несколько слов, уходили.

– Хвалят, довольны, – пояснил Юсуф.

Я быстро осваивал язык, на котором общались между собой боевики. Он был несложен, запас слов небольшой, арабские слова, фарси, тюркские, к моему удивлению, звучали и русские.

Я вспомнил, великий физик Эйнштейн писал, когда он переселился в Америку, то знал всего триста английских слов, и этого ему вполне хватало. Тут, в Сирии, было примерно также.

Зарплату мне положили тысячу долларов в месяц. Но, к моему удивлению, прошло два месяца, а я ничего не получил. Я спросил Юсуфа, где мои деньги? Он нахмурился.

– А зачем тебе они?

– Как зачем? – удивился я. – Я их заработал.

– Они идут на твой счёт. Когда закончишь у нас службу, получишь сразу всё, что тебе полагалось. Питанием тебя обеспечивают, одеждой тоже. Оружием и боеприпасами. Чего тебе ещё надо?

– Да, но я не подписывал никакого контракта. Откуда я знаю, когда закончится срок моей службы?

Юсуф недовольно посмотрел на меня.

– Когда закончится, тогда и узнаешь. А вообще советую меньше болтать, здесь излишнее любопытство не любят.

Когда завершали один объект под землёй, то рабочих расстреливали. Во-первых, они уже не расскажут ни о тоннелях, ни складах и командных пунктах. Во-вторых, они настолько были истощены и ослаблены, что ни для чего больше не годились. В обычае игиловцев было повязывать друг друга кровью, тогда все будут равны и в одинаковой мере подсудны, если случится такое. Рабочих выводили наружу, ставили в ряд у рва или траншеи и расстреливали. Причём, расстреливать должны были все. После чего убитых засыпали землёй. Таких скрытых захоронений десятки, когда-нибудь их обнаружат.

– И ты расстреливал? – спросил я.

Джабраил передёрнул плечами и отвернулся. Вторично спрашивать было незачем, и так всё ясно.

– Тоннели под землёй тянулись на километры, укрытий тоже было множество. Объём выполненных работ поражал, это было сравнимо со строительством египетских пирамид.

Я пока не принимал участия в боевых действиях, но война слышалась и под землёй. Она вздрагивала от разрывов артиллерийских снарядов и авиационных бомб, струйками осыпалась с потолков.

Где-то через полгода отряд Юсуфа вывели на поверхность, заменили другим, и теперь мы должны были воевать наряду с другими игиловцами. Тут уже я оказался в самой гуще сражений. Они продолжались без отдыха с утра и до вечера. Ночами нас посылали на разведку или атаковать позиции противника, чтобы не давать ему роздыха.

Я постигал боевое содружество игиловцев изнутри. Они оказались не настолько спаянными, как о том говорил Джохар. Прежде всего, в Сирии воевали сотни группировок из стран Ближнего Востока, Ирана, Афганистана, Закавказья и, конечно же, из России. Одних только таджиков насчитывалось больше тысячи. Эти группировки представляли экстремистские организации Аль-Каиду, Джундулло, Ансоруллох, Джабхат ан-Нусру, Братьев мусульман, Таблигот и многие другие. Все они были фанатиками мусульманами, но единства не было, а были неприязнь и соперничество, и потому каждой группировке ставили отдельную задачу, правда, в общей тактической операции.

Они прикрывались высокой идеей – созданием громадного исламского халифата, но сами мало верили в него, да эта идея им была и неинтересна. Создавать – значит строить, а они не были склонны к созиданию, их главной заботой была нажива. Они грабили музеи, утаскивали всё, что можно было продать западным коллекционерам, нимало не заботясь о сохранении древних памятников культуры. Напротив, они уничтожали их с каким-то озлоблением, ведь их сооружали иноверцы. Они превратили города Сирии в гигантские развалины и гордились этим. Мне довелось видеть Пальмиру, Дамаск, Алеппо, Киркук и другие города, и они оставляли тягостное впечатление. Повсюду царили культ насилия и стремление очистить вселенную от христианского хлама, как говорили сами боевики.

Как-то ночью, сидя у костра, я спросил у одного факеха, знатока ислама, по имени Салим, зачем же так усердствовать в уничтожении? Ведь, если и

дальше так пойдёт, то на землях древней Сирии не останется ни одного исторического памятника, ни одного из местных языков и ни одной традиции.

Салим удивлённо взглянул на меня.

– А зачем они нам? – ответил он вопросом на вопрос. – Есть только одна вера, одна культура и одно духовное богатство – это ислам. Этого достаточно для всего человечества.

– Да, но создавать исламское государство, это значит и строить. Нужно восстанавливать разрушенные города, не будем же мы жить в развалинах. Кто будет их восстанавливать? Среди наших боевиков нет мастеров, ремесленников, строителей...

Мой вопрос позабавил факеха своей наивностью.

– Кто будет восстанавливать? – передразнил он меня. – Конечно же, Россия. Мы попросим её, и она не откажет. Достаточно только будет заявить, что мы хотим дружить с ней и налаживать тесные взаимоотношения.

Я усомнился.

– Но будет ли этого достаточно?

– Ты плохо знаешь историю, – с важностью проговорил Салим. – Ну-ка, вспомни. Советский Союз помогал десяткам стран мира, стоило им только заявить, что они хотят строить социализм. Их заваливали продовольствием, товарами, материалами, механизмами, в то время как свой народ жил впроголодь. А Афганистан? Десятилетняя война? Афганцы убивали советских солдат, а взамен получали тысячи тонн риса, масла, муки, сахара. Им строили жильё, заводы и фабрики, они ни в чём не нуждались, а советские люди стояли в очередях за куском хлеба. И теперь так будет.

Я отрицательно покачал головой.

– Теперь так не будет, другое время, другая страна, другое руководство. Салим обидно засмеялся.

– Другое, говоришь? А вот и нет. Стоит только произойти где-то наводнение, землетрясение, эпидемии какой, и сразу Россия туда гонит десятки тонн гуманитарной помощи. Своим бы она не пригодилась? Ни США, ни Германия, ни Англия особенно не расщедриваются на такую помощь, одна только Россия. Потому смеются над ней и не уважают её. Попробовал бы кто на США наложить санкции. А Россию все бьют за слабость, неумение жить и отстаивать свои интересы. Молчишь, вот так-то лучше. Будет она для нас отстраивать всё, что мы разрушили. Вот посмотришь. Мы разрушаем и этим показываем свою силу. И все помалкивают, все боятся нас. Кто сильный, тот и прав.

Я действительно молчал. Хотя я и был в обиде на Россию, но видел её своей родиной и не считал дружеское участие в чьей-то беде проявлением недальновидности. Но спорить и дальше с исламским законоведом было опасно, и я предпочёл перевести разговор на другое.

Надо сказать, что игиловцы часто говорили о России, в основном, конечно, неуважительно, как говорят о злейшем враге. Вот один из примеров. Каждый отряд готовил себе пищу отдельно. У всех был свой особый повар. Я заметил, что питаться мы стали лучше. Тогда я ещё работал под землёй и не знал толком, что происходит на поверхности. Я отметил хорошее качество пищи, желая похвалить повара. Наш повар, пожилой, худощавый Ахмад расплылся в улыбке.

– Хвала России, заботится о нас, – и видя мой недоумевающий взгляд, пояснил: – Это российская гуманитарная помощь.

Из дальнейшего рассказа я узнал, как только гуманитарная помощь поступала в какое-нибудь селение, так ночью туда отправлялись боевики ИГИЛа.

Заходили в дома и отбирали продовольствие. Кто им осмелился бы оказать сопротивление? Разговор короткий, расстреливали всю семью и уходили, унося награбленное. Как я понял, в лучшем случае населению доставалась треть помощи, остальное шло в котлы боевиков.

Жизнь в лагере борцов «за веру и халифат» волнами захлёстывала меня. Каждый день приносил что-то новое. Открылась загадка длинных волос и окладистых бород. Это была одна из форм устрашения противника. Дикий вид вселял страх в слабодушных людей. К слову сказать, в этом отношении игиловцы не были оригинальными. К таким же ухищрениям прибегали когда-то кочевники-гунны. Косматые, с глубокими шрамами на лицах, одетые в звериные шкуры, они одним своим появлением обращали врагов в бегство.

Я уже воевал в составе своего отряда против солдат сирийской армии. Это была маневренная война. Мы перемещались из города в город, из селения в селение, из квартала в квартал, внезапно нападали и быстро отходили. Я не собирался стрелять в сирийцев, но оказалось, что это невозможно. У ИГИЛа была своя внутренняя служба безопасности. Её агенты наблюдали за боевиками, и если кто стрелял, подняв ствол автомата выше голов противника, то тут же наказывался пулей в спину.

Игиловцы в силу своего приземлённого интеллекта не боялись смерти. Они были убеждены, что их ждёт рай, а как же иначе, ведь они сражаются за истинную веру. И сами сеяли смерть без раздумий. Убивали пленных, перерезали горло заложникам. Отрезать голову врагу считалось символом победы над ним.

Я заметил, что во время боёв или казни мирных жителей эти самые агенты внутренней безопасности фотографировали нас.

– Зачем это нужно? – спросил я Юсуфа. – Мы же не кинозвёзды?

Юсуф объяснил. Тот, кто связывает судьбу с боевиками ИГИЛа, связывает её навсегда. Дезертировать от них невозможно, они следят друг за другом. Попытка убежать, как и инакомыслие, караются смертью. Но кое-кому удавалось скрыться. Тогда снимки, запечатлевшие их «подвиги», выкладываются на сайтах интернета. И понятно, не всякое государство предоставит политическое убежище убийце и насильнику.

Джабраил вздохнул и посмотрел в иллюминатор. Наш самолёт летел на большой высоте. Небо казалось неправдоподобно синим, солнце слепило глаза, а внизу расстились белёсые облака, походившие на заснеженные просторы.

– И в твоей душе пробудилось отвращение к этому скопищу кровавых бандитов? – предположил я.

Джабраил усмехнулся.

– На своём опыте я убедился, насколько был прав писатель Достоевский, утверждая, что «человек есть существо ко всему легко привыкающее». Я стал привыкать к тому, что ещё год назад казалось ужасным: к расстрелам, пыткам, насилию. Тонкая оболочка цивилизации слезала с меня, как кожа со змеи. И, наверное, ещё через пару лет я бы ничем не отличался от поднатеревших в убийствах боевиков.

Стоит только попасть к игиловцам, и ты теряешь всё: свободу и право быть самим собой, ты превращаешься в безликое существо, слепо выполняешь приказы «хозяев», жизнь теряет свой смысл. У игиловцев нет никаких моральных принципов, они уподобляются свирепым хищникам. Расстрелы

пленных, мирных жителей, стариков и детей для них обычное дело. Они, ещё раз повторяю, фанатики, неверие в идеологию ДАИШ или неосторожное высказывание караются смертью. Какие нужно иметь сердца, чтобы при отступлении или атаках использовать мирное население в виде живых щитов! Тут невольно напрашивается аналогия, украинская военщина, обстреливающая селения Донецкой области, мало чем отличается от кровавых игиловцев.

– Тебе удалось убежать? – спросил я.

Джабраил отрицательно покачал головой.

– Я скажу об этом попозже.

Тогда я заговорил о другом.

– Сообщают, что во время налётов российской авиации гибнет много боевиков, поражаются склады и командные пункты. Но игиловцы сражаются с прежним рвением и не помышляют о сдаче. В чём тут дело?

Джабраил иронически улыбнулся.

– Когда я впервые оказался в лагерях боевиков, я удивился их многолюдству. Их было многие тысячи. В прессе назывались разные цифры – двадцать тысяч, сорок... Выступавший перед нами глава Исламского государства Абу Бакр аль-Багдади назвал приблизительное количество – более двухсот тысяч. Теперь посудите сами, во время бомбёжки погибло, скажем, двести боевиков. Разве это существенный урон: двести погибших из двухсот тысяч? И это при том, что ряды игиловцев постоянно пополняются. Кого-то влечёт к ним жажда обогащения, кого-то гонят нужда и безысходность, но большинство – это религиозные фанатики, для которых борьба с вероотступниками и неверными – святое дело. Да, бомбы попадают в склады с оружием или в командные пункты. Но что значит потеря одного-двух, когда их десятки глубоко под землёй. Помогает игиловцам и предательство. Они заблаговременно узнают о предполагаемом наступлении сирийских правительственных войск и меняют своё местоположение, а то и контратакуют. Кто сообщает им эти сведения, можно лишь догадываться.

Я покачал головой.

– Чему тут удивляться? – проговорил Джабраил. – Предатели были всегда и везде. Кто предавал за деньги, а кто потому, что на той стороне его близкие. Причин много, – заключил он философски.

– Как ты думаешь, долго будет длиться война в Сирии? – спросил я.

Джабраил поразмыслил.

– Я думаю, долго, очень долго. Не меньше, чем советско-афганская война. У игиловцев много источников дохода, как внешних, так и внутренних. На оккупированных землях добывается нефть, которую они продают дешевле мировых цен, а, значит, спрос на неё большой. Они распродают исторические ценности коллекционерам, которых не смущает, что на этих раритетах запеклась кровь, торгуют рабами. На их счета поступают деньги от многих благотворительных фондов из стран Персидского залива. Солидные суммы перечисляют страны Запада. Оттуда большими партиями поступают современное вооружение, воинское снаряжение.

– Но почему? – удивился я.

– Вполне понятно, – пояснил Джабраил. – США и страны Евросоюза заинтересованы в том, чтобы Россия как можно глубже завязла в этой кровопролитной войне. Её нужно ослабить экономически, подорвать основы государственности, чтобы наконец ликвидировать как конкурирующую,

неуступчивую державу. Война влечёт за собой трудности, а, значит, население начнёт выражать недовольство понижением жизненного уровня, начнутся антиправительственные выступления. Впрочем, я мало верю в это, – добавил мой собеседник, – России не привыкать переживать трудности, прежде во имя светлого будущего, ныне – чтобы не потерять страну, а разбогатевшим выскочкам, чтобы не потерять свои капиталы.

США и их вассалам не угоден президент Сирии Башар Асад. Он слишком самостоятелен, его нужно заменить на более послушного, чтобы обеспечить себе контроль над сирийской нефтью. И эту задачу тоже решают игиловцы. В Сирии завязано столько узлов, что их не сразу и распутаешь. Разве, как Александр Македонский, одним махом разрубить мечом. Но ныне это не каждому под силу.

– Ты не жалеешь, что примкнул к игиловцам?

Джабраил пожал плечами.

– Жалей, не жалей, выбор сделан, назад хода нет. И потом, если рассуждать философски, а у меня всё-таки высшее образование, всякое знание, даже если оно отрицательное, всё равно обогащает человека, делает его мудрее.

– Но не игиловцев? – уточнил я.

– Не их, – согласился Джабраил, – они давно уже перешагнули грань, отделяющую людей от свирепых хищников-людоедов.

– Русских много среди игиловцев?

– Слышал, что есть, но не встречался с ними. Вряд ли много, их идеология чужда нашему народу. Если и есть, то это скорее криминальные элементы, которым нужно скрыться от российского правосудия.

– Вижу, ты перестал обижаться на Россию?

Джабраил задумался, как бы выверяя свою душевную трансформацию.

– За два года войны в Сирии я понял главное: страна не виновата, если кто-то наталкивается на равнодушие, а то и хамство власть предержавших. Виноваты они сами, на них и стоит гневаться. Вода обладает способностью к самоочищению, так и страна рано или поздно смоет с себя ил бездуховности и эгоизма, привнесённых диким капитализмом. Россия всегда славилась радушием и человеколюбием, и она вернёт себе эти ценности.

Джабраил замолчал. Мне хотелось узнать ещё многое об игиловцах, и я возобновил прерванный разговор.

– Что ещё поразило тебя в боевиках ИГИЛа?

– Уровень духовности всякого общества определяется отношением к женщине. Для игиловцев женщина – низшее существо, самим Всевышним созданная для услужения мужчине. На захваченных территориях они обращают молодых женщин и девушек в рабынь, торгуют ими, или держат в качестве прислуги. Мало того, что наложницы должны днём и ночью ублажать своего повелителя, так ещё служат «угощением» для его приятелей.

В таких случаях я вспоминаю слова еврейской молитвы: «Благодарю тебя, Адонаи, Господь наш, что не сотворил меня женщиной».

Когда рабыня надоедает, то с ней расстаются по отработанной схеме – заводят в развалины и там пристреливают. Это в худшем случае, а в лучшем просто дарят кому-нибудь, и кошмар её существования продолжается дальше.

У меня был радиоприёмник, который я отыскал в развалинах в Пальмире. Иногда по ночам слушал передачи российских радиостанций. Меня заинтересовала история московской студентки Карауловой, которая пыталась

пробратся в Сирию к любимому игиловцу. Жаль, что это ей не удалось, она бы в полной мере извела все «прелести» сексуального рабства и, может, тогда бы излечилась от наивной романтики. Её пример послужил бы уроком и другим девушкам, которые зачастую видят не то, что есть, а то, что им хочется видеть.

Боевики ИГИЛа не ведают жалости, но особенно жестоки они к ассасинам.

– Ассасинам? – удивился я. – Разве они ещё существуют?

Я читал об этой старинной мусульманской секте и думал, что они ушли в небывшие.

Ассасины появились в XI веке. Они вели суровый образ жизни, отменили все законы шариата, свели на «нет» разницу между высшими и низшими слоями населения. За малейшее отступление от их правил грозила смертная казнь. Ассасинам человечество обязано убийцами-смертниками, террористами, употреблением наркотических веществ, чтобы познакомить с радостями рая. В истории сообщается, что они просуществовали до XIII века, и вот, пожалуиста...

– Существуют, – подтвердил Джабраил, – в Сирии, Ираке и других восточных странах их довольно много. Духовные лидеры игиловцев считают, что ассасины «загрязняют» ислам и призывают уничтожать всех до единого, а женщин и девушек продают в рабство. Меня за подземные работы «премировали» ассасинкой по имени Файзия. Некрасивая, худая, с крючковатым носом и «совиными», глубоко сидящими глазами. Но отказаться от неё я не мог, хотя мне она была не нужна. Я отыскал для неё жильё в развалинах Алеппо, поместил туда, обеспечивал продовольствием и флягами с водой. Дай бог, чтобы она уцелела до того времени, когда игиловцев вытеснят из Сирии.

– Ну, вытеснят их, и тогда в Сирии станет поспокойнее?

– Разве угли перестают тлеть, если их слегка прикроет пепел? – ответил Джабраил вопросом. – Игиловцы обоснуются в Ираке и других соседних странах, и оттуда будут продолжать нападать на Сирию и обстреливать её из орудий и ракетами. Они вроде болезнетворных бактерий, которые быстро размножаются в благоприятной среде. Они уже проникли в Ливию, Афганистан, их аппетиты растут. Сколько в Афганистане ведётся борьба с движением «Талибан» и безуспешно. Талибы по-прежнему прямая угроза безопасности страны, а ведь организация ДАИШ намного мощнее.

– Неужели положение с игиловцами настолько безнадежное?

– Их можно было бы одолеть, если бы так называемые союзники России по сирийскому вопросу не вели двойную игру. Они соглашаются с тем, что игиловцы представляют собой прямую угрозу миру, а сами тайком снабжают оружием и «подпитывают» деньгами, чтобы укрепить их мощь. Я уже говорил, что цель этих союзников полнее втянуть Россию в сирийский кризис.

Мы уже подлетали к Алма-Ате, и я старался выведать у Джабраила дополнительные подробности его сирийской «одиссеи».

– Как же ты оказался в Средней Азии, если бежать от игиловцев невозможно?

– Ну что ж, скажу и об этом. Меня с Джохаром вызвали к самому Абу Бакру аль-Багдади, главе «Исламского государства». Это неслыханная честь, далеко не каждому удаётся увидеть его даже издали. Он объезжал захваченные территории в Сирии и призывал своих сторонников сражаться ещё упорнее, победа уже близка.

Абу Бакр аль-Багдади сидел в уцелевшем домике на окраине Дамаска.

Он был ещё не стар, излишне полный, круглились щёки, заросшие бородой. Держался величественно, говорил негромко, выделяя для значимости каждое слово.

Нас поставили перед ним, о том, чтобы сесть, не могло быть и речи.

Арабского языка я не знал, и Джохар шёпотом пояснял мне, о чём говорит глава игиловцев. А говорил Абу Бакр аль-Багдади следующее.

– Ты стараешься, – он ткнул пальцем в сторону Джохара, – но ты мало привозишь парней из бывшего Советского Союза. Привозишь десятки, а счёт должен идти на сотни. Остался в стороне Казахстан, а там полно желающих влиться в наши ряды. Подбери таких, как он, – палец Абу Бакра аль-Багдади устремился в мою сторону, – таких, которые хорошо знают Среднюю Азию. Пусть разъедутся по Средней Азии и агитируют молодёжь ехать к нам. Вы же отправляйтесь в Казахстан. Работайте активно, убеждайте народ в нашей правоте, не жалейте денег. Святое дело нашего движения должно расширяться.

Абу Бакр аль-Багдади махнул рукой, его телохранители вывели нас из помещения.

– Так я стал эмиссаром ИГИЛа, – продолжал Джабраил. – Мы побывали во всех среднеазиатских республиках и завербовали десятка два крепких ребят, из которых можно сделать убеждённых игиловцев. Теперь поработаем в Казахстане. Джохар ждёт меня.

– Но ведь ты теперь можешь бежать от игиловцев. Тут ведь они тебя не достанут.

Джабраил усмехнулся.

– Это как сказать, руки у них длинные. И потом бежать, но с чем? У меня скопились хорошие деньги в Сирии, и Абу Бакр аль-Багдади обещал каждому вознаграждение в размере пятидесяти тысяч долларов, если будем действовать успешно. Я должен вернуться в Сирию и попытаться получить свои доллары. Скажу, что переправлю их сестре, она, мол, хочет купить в Москве квартиру. Тогда можно будет бежать. Тут надо действовать умно, чтобы разоблачающие меня материалы не появились в интернете. Исчезнуть лучше всего тогда, когда российская авиация совершает налёты. Вроде попал под бомбёжку и завалило рухнувшей стеной. Таких случаев сколько угодно. Паспорт я сохранил, деньги будут, можно начать жить заново.

– И где? – полюбопытствовал я.

– Меня привлекает Дальний Восток, там обещают каждому переселенцу по гектару земли. И потом в отдалении легче затеряться...

Наш самолёт пошёл на посадку. Лёгкий толчок, колёса лайнера коснулись бетонной полосы.

– Эх, не поговорили толком, – произнёс я с досадой. – Мало двух часов. Досадно было ещё и от того, что не во всём я был согласен с Джабраилом, но спорить не было времени.

Джабраил согласился со мной.

– Об игиловцах всего и за сутки не расскажешь. Ну, что есть, то есть.

– Интересно, что будет с тобой дальше, я ведь всё-таки журналист?

– А вы дайте мне номер своего мобильного телефона, – предложил Джабраил. – Буду по возможности коротко информировать вас. Только, как говорится, не для печати.

Так я и поступил.

Когда мы вышли из самолёта, мой попутчик сделал вид, что не знаком со мной. Он отдалился от меня и затерялся в толпе прилетевших пассажиров.

Его предосторожность была понятна, мало ли что может произойти, не стоило привлекать к мне внимания, случись ему попасть в поле зрения сотрудников органов безопасности.

С того дня, слушая в телевизионных вестях репортажи из Сирии, я часто вспоминал моего земляка по имени Джабраил. Как его зовут по-настоящему, он так мне и не сообщил. Оставалось только гадать, как сложилась его дальнейшая судьба.

Как-то глубокой ночью мобильный телефон разбудил меня своим сигналом. Я схватил его.

Далёкий мужской голос медленно проговорил по-таджикски.

– Он шиноси шумо дар вакти бомбаборон аз таркиш халок гардид. (Тот ваш знакомый погиб от разрыва во время бомбёжки.)

– Ки гап мезанад? Шумо кистед? (Кто говорит? Кто вы?) – закричал я.

Послышались короткие гудки отбоя.

Я обдумывал услышанное. Значило ли это, что Джабраил действительно погиб? Или он начал осуществление своего плана по побегу от игиловцев? Но почему тогда не позвонил сам, а доверил кому-то связаться со мной?

Если его нет в живых, тогда можно рассказать о встрече и беседе с ним, ему это уже не повредит.

Но оставалась надежда, что он уцелел.

Так ли это, покажет время.

Организации, признанные в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими: «Исламское государство», «Имарат Кавказ», «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, «Исламский джихад – Джамаат моджахедов», «Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии), «Общество возрождения исламского наследия», «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»), движение «Талибан», «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Братья мусульмане», «Исламская группа», «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»), «Асбат аль-Ансар», «База» («Аль-Каида»), «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Лаикар-И-Тайба», «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислам аль-Иджтимаи»), «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»), «Синдикат “Автономная боевая террористическая организация (АБТО)”», «Джабхат ан-Нусра (“Фронт победы”)».

